

А.Я. Гуревич

ГРЕХОПАДЕНИЕ МОСКОВСКИХ МЕДИЕВИСТОВ: ДИСКУССИЯ 1949 г. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Итак, читатель получил возможность ознакомиться с содержанием стенографического отчета о заседании сектора истории Средних веков Института истории АН СССР совместно с кафедрой истории Средних веков истфака МГУ. На протяжении без малого шести десятков лет эта стенограмма была архивным материалом, никем не востребованным, и те, кого не оставляют равнодушными судьбы отечественной медиевистики, не получали доступа к этой информации. Заседание это было посвящено не какой-либо научной проблеме, но задачам борьбы против космополитизма и преклонения перед иностранщиной, выявлению в среде советских историков-медиевистов лиц, не перешедших на позиции марксизма-ленинизма. Подозреваю, что иным из читателей этой стенограммы довольно скоро наскучили без усталости повторявшиеся фразы о борьбе с чуждыми идеями влияниями и о необходимости развертывания активного противодействия американскому и западноевропейскому империализму. В активизировавшейся в те годы холодной войне историк, не только модернист, но и медиевист, был призван принять деятельное участие. Изучение стенограммы демонстрирует почти полное единодушие участников дискуссии: они готовы внести свою лепту в этот всемирно-исторический конфликт. Те немногие, кто не осознал первостепенной значимости этой борьбы, оказывались в положении отщепенцев, подлежащих обузданию или даже удалению из рядов марксистских историков.

Указанная задача с полной очевидностью сформулирована в ряде выступлений участников дискуссии. Но ныне, по истечении почти шестидесяти лет, в свете пертурбаций, пережитых нами и нашей наукой во второй половине минувшего столетия, речи и критиков, и кающихся неизбежно воспринимаются существенно иначе, нежели тогда, когда они еще не застыли в факты истории. В этом, как мне кажется, необходимо разобраться, тем более, что еще и теперь наша профессия далеко не свободна от последствий того потрясения, которое пережили историки в «мартовские иды» 1949 г.

Прежде всего – о составе участников дискуссии. Три поколения явлены здесь, и им предстояло занять разные позиции в происходящей коллизии. Старшее поколение – это известные ученые, люди, получившие историческое образование и овладевшие профессией еще до переворота 1917 г. или непосредственно после него. В сороковые годы они представляли собой ведущую группу профессоров, передававших знания и опыт молодым. Вокруг наиболее авторитет-

ных профессоров сгруппировались научные школы – исследовательские коллективы, характеризующиеся определенной проблематикой и методами. Нам, студентам и аспирантам, они казались стариками, хотя на самом деле среди них преобладали ученые в возрасте от сорока до шестидесяти лет. То, что их сблизало, были чрезвычайно высокий уровень интеллигентности, преданности науке и стремления передать свой опыт ученикам и слушателям. В другом месте мне уже довелось подчеркивать, что влияние «стариков» на нас далеко не исчерпывалось кругом профессиональных навыков, передаваемых в лекциях и семинарах: общение с такими личностями как Евгений Алексеевич Косминский, Александр Иосифович Неусыхин, Сергей Данилович Сказкин, Владимир Михайлович Лавровский или Вера Вениаминовна Стоклицкая-Герешкович обогащало нас интеллектуально и приобщало к лучшим традициям отечественной интеллигенции. Знакомство с публикуемой стенограммой свидетельствует об отсутствии в речах наших профессоров категоричности суждений и агрессивности по отношению к критикуемым.

Зато эти качества вполне различимы в речах ряда представителей других поколений – среднего и молодого. Если «старики» оказались преимущественно в положении подозреваемых или обвиняемых в указанных выше грехах и вынуждены были оправдываться, то исходила критика из круга относительно молодых преподавателей и научных сотрудников, столь же уверенных в собственной идейной непогрешимости, как и в неискоренимой виновности тех, кто уже заранее был включен в проскрипционный список. Это были «растущие товарищи», историки, еще не чрезмерно отягощенные собственными научными достижениями, но с тем большей зоркостью видевшие ошибки и просчеты у тех, кто попал в эти списки.

Мартовская «проработка» космополитов и объективистов может быть верно оценена лишь принимая во внимание, что она представляла собой неотъемлемую часть несравненно более широкой и тщательно подготовленной политической кампании. Начавшись в среде литераторов и критиков, охота на врагов и грешников со скоростью эпидемии распространилась на самые различные аспекты интеллектуальной и культурной жизни. Если кто-то двумя-тремя годами ранее питал иллюзию, что травля Ахматовой и Зощенко – изолированные случаи, содержащие не более чем назидание, то теперь число жертв преследований сделалось неопределенно большим и никто, включая даже носителей вполне «доброкачественных» имен и фамилий, не был застрахован от гонений.

Среди медиевистов роль обвинителя и разоблачителя идейных пороков коллег выпала на долю Нины Александровны Сидоровой. В книге Е.В. Гутновой «Пережитое» предпринята попытка очистить

иконописный облик Сидоровой от несправедливых обвинений. Она выступает на страницах этой книги в роли жертвы, против воли и совести принужденной принять участие в печальной идеологической коллизии. Читатель «Одиссея», хотя бы бегло ознакомившийся с докладом Сидоровой и с ее заключительной речью, может убедиться в том, что Нине Александровне пришлось вполне по размеру мундир государственного обвинителя в политических процессах. Не вызывает ни малейшего сомнения то, что Н.А. Сидорова была организатором всей этой оргии. Если иметь в виду, что до этого поистине черного дня в истории советской медиевистики и на кафедре истории Средних веков и в секторе царили благожелательность и взаимное уважение коллег, то зловещая роль нашего прокурора выступит особенно отчетливо. Тональность речей и самая лексика, коей пользовались Сидорова и некоторые другие выступавшие, были в нашей среде беспрецедентны. Они представляли собой точное эхо тех громных обвинений, которые в печати и в собраниях ежедневно обрушивались на головы горе-критиков, горе-драматургов, горе-поэтов, равно как и на головы ученых самых разных профессий, от генетиков до кибернетиков.

Ключевыми фигурами в нашей профессии были, несомненно, Косминский и Неусыхин. Относительно первого ни у кого, казалось бы, не вызывало сомнения, что Евгений Алексеевич – медиевист мирового класса. Не только начинающие, но и многоопытные специалисты с глубоким пиететом слушали суждения Косминского по самым разным научным сюжетам. Его обширнейшие познания и умение формулировать проблему производили неизгладимое впечатление. Хорошо памятен его не лишенная статуарности фигура, его медлительная речь, в которой он сплошь и рядом обнаруживал неожиданные аспекты научной дискуссии. Что касается Александра Иосифовича Неусыхина, то его ярко выраженный педагогический талант привлекал к нему и студентов, и преподавателей. Впервые я услышал это имя от студентки-востоковеда, которая посоветовала мне, еще несмышленищу, пройти выучку именно у Неусыхина – по ее словам, самого замечательного лектора на факультете.

Интеллектуальное и нравственное воздействие наших профессоров на духовное и профессиональное формирование молодежи трудно переоценить. Именно эти качества сыграли цементирующую роль в становлении возглавляемых ими научных школ. Здесь нелишне напомнить о том, сколь весомыми были достижения русских медиевистов конца XIX и начала XX в. в разработке центральных проблем аграрной истории средневекового Запада. Косминский и Неусыхин продолжали научную традицию, у истоков которой стояли Виноградов, Ковалевский, Кареев, Лучицкий, Савин, Петрушевский

и другие выдающиеся ученые. Этого не могли не понимать организаторы и вдохновители мартовской «проработки» 1949 г.

Боюсь не ошибиться, высказывая предположение, что, наряду со стремлением лишить наших профессоров заслуженных ими ключевых позиций, немалую роль в ожесточенных нападках на них сыграли зависть и стремление подорвать их авторитет у учеников. В речах Сидоровой, как и в выступлении В.В. Дорошенко, нет уже и тени пietetа по отношению к выдающимся ученым. Сидорова и К^о сознательно шли на детронизацию наших учителей, что, в конечном счете, вело к разрушению научных школ.

По справедливости надобно признать, что эти школы и в особенности школа аграрной истории к середине минувшего столетия переживали научный кризис, по-видимому, далеко не всегда осознанный как учителями, так и их последователями. Здесь было бы неуместным сколько-нибудь подробно останавливаться на этом феномене, но нельзя не признать, что те подходы к изучению аграрной истории Европы, которые тщательно разрабатывались представителями старшего поколения, уже изжили себя или, во всяком случае, оказались недостаточными для познания социальной сущности человеческих отношений Средневековья. Но тогда, в рассматриваемый нами момент истории нашей медиевистики, на передний план с неизбежностью выступила трагедия ученых, сделавшихся жертвами зубодробительных нападков по причинам, бесконечно далеким от науки.

Выступления Н.А. Сидоровой и других борцов против безродного буржуазного космополитизма насыщены пропагандистской фразеологией, которая в те годы была взята на вооружение правящей партией для сокрушения и изничтожения идейных врагов и социально чуждых элементов. Нам, людям, живущим в ином времени и в иной ментальной среде, не следует забывать при чтении интересующего нас документа, что упорно используемая в ходе той проработки лексика предполагала неизбежно следовавшие за нею репрессии против лиц, к коим она применялась. Отказ от печатания, отстранение от лекций, увольнение и угроза ареста – подобные меры в высшей степени реально предстали взорам ученых, человеческое достоинство которых публично попиралось.

Трудно, если вообще возможно, восстановить ход мыслей и моральное состояние тех, кто в тот достопамятный день подвергся партийной критике. Ныне, в начале нового столетия, мы, хвала богам, весьма далеки от тогдашнего идейного и морального климата, в котором были вынуждены жить и действовать наши учителя, да и мы сами. Доминантой духовной и политической атмосферы был СТРАХ, подчас иррациональный, не поддававшийся обузданию и разумному осмыслению. Для того, чтобы получить хоть какое-то пред-

ставление о природе этого страха и о его воздействии на сознание и поведение испытывавших его индивидов, я приведу только один пример. Совсем недавно, всего лишь несколько лет тому назад, в печати появились признания учеников наших профессоров и других близких к ним лиц о том, что С.Д. Сказкин в один прекрасный день донес на самого себя: он не овладел марксизмом в должной степени. Те работники «органов», которым он сделал это признание, догадались, что Сергей Данилович в тот момент был безумен, и отпустили его с миром. Известный психиатр, в клинике которого потом побывал Сказкин, по окончании курса лечения сказал А.И. Неусыхину: «Мы подлечили Сергея Даниловича, так что он может работать. Но двойное сознание останется с ним навсегда».

Отныне речь шла уже не о научном пиетете или о благожелательном сотрудничестве, – на передний план выдвинулись взаимная подозрительность и неприкрытая вражда. Вполне возможно, что в полемике Б.Ф. Поршнева с ленинградским профессором О.Л. Вайнштейном по поводу истолкования русско-шведских отношений в XVII в. правда была скорее на стороне Поршнева, но приходится с горечью и возмущением отметить следующую особенность его выступления: 1949 – это год «ленинградского дела». Оно состояло в том, что вызвавшие подозрения Сталина партийные и государственные руководители Ленинграда были смещены со своих постов, арестованы и расстреляны по вымышленным политическим обвинениям. Вместе с А.А. Кузнецовым – секретарем ЦК партии и главой ленинградской парторганизации – и многими другими партийными и советскими деятелями Ленинграда по тому же «делу» был репрессирован член Политбюро Н.А. Вознесенский, который незадолго до своего падения был любимчиком Сталина и фигурировал в числе тех, кто после него мог бы занять пост председателя Совета министров. Полемизируя с Вайнштейном, Борис Федорович Поршнева не удержался от проведения прямой параллели между спором о Тридцатилетней войне и «ленинградским делом», в котором акцентировался мнимый конфликт Ленинграда с Москвой. Были стерты границы между наукой и политикой, и на сей раз сделано это было историком, а не политическим деятелем или государственным прокурором. Не свидетельствует ли этот эпизод в дискуссии медиевистов о явном сползании проработки неортодоксальных историков на уровень репрессий 1937 г.? Прикидывавшаяся научной, дискуссия обнажила здесь, как и в ряде других эпизодов, свой подлинный зловещий оскал. На память ученых, трудившихся уже не первое десятилетие, невольно и неизбежно приходили судьбы их коллег, пострадавших еще в предвоенные годы.

Удары, нанесенные жертвам преследований, оставили в их сознании длительный след. Во время моего последнего посещения Але-

ксандра Иосифовича я с удивлением и горечью услышал его слова: «Я всегда был нездоровым человеком, но если бы теперь они схватили меня и стали вырывать ногти, я бы не выдержал». Это было сказано двадцать лет спустя после занимающей нас дискуссии. А.И. Неусыхин превосходно понимал, что в 1969 г. он живет и работает в существенно иной обстановке. Не мог он не понимать и того, что расправы и пытки ему не угрожают. И тем не менее иррациональный страх, завладевший им, как и многими другими его сверстниками, не исчез.

Я не забыл о третьем поколении участников мартовского заседания. Это – мы, тогдашние аспиранты и студенты, и стенограмма во все нас не игнорирует. Во-первых, перед нами – текст выступления Василия Дорошенко. Он был любимым аспирантом Александра Иосифовича, неизменно принимавшего самое заинтересованное участие в обсуждении его кандидатской диссертации, посвященной социальному развитию Саксонии в эпоху Каролингов. Василий Васильевич обладал обширными знаниями и умением глубоко и четко анализировать сложные исторические источники. Прошла жизнь, но я все еще помню его задумчивый взгляд и высказывания, свидетельствовавшие о серьезном подходе к занимавшей его проблеме в истории. Как понять, что этот же самый человек, попросив слова для выступления в той дискуссии, высказывался в высшей степени сбивчиво и нелогично? Ни его бессвязные упреки, адресованные Косминскому, ни голословные обвинения в немарксизме его научного руководителя не звучали сколько-нибудь убедительно. Создается впечатление, что перед нами – растерянный и деморализованный человек. Но, разумеется, существенным было не содержание речи Дорошенко, а самый факт его выступления против ведущих профессоров. Был очевиден «социальный заказ», который Дорошенко был вынужден выполнить. Ясно, что ему было предложено выступить с обвинениями против Неусыхина и Косминского и что он подвергся недвусмысленному нажиму. Вознаграждение заключалось в его зачислении в штат сотрудников кафедры истории Средних веков истфака МГУ. Однако, как передавали, вокруг Дорошенко создалась такая обстановка, что через год он уволился и уехал в Ригу, где нашел место в Латвийской академии наук.

Таким образом, инициаторы его выступления в ходе мартовской дискуссии 1949 г. достигли одновременно нескольких целей: они нанесли тяжелейший удар заслуженному профессору, который испытал всю горечь, вызванную предательством любимого ученика, и вместе с тем продемонстрировали мнимое возмущение поступком Дорошенко, побудив его уйти из МГУ. Иными словами, Дорошенко был использован инициаторами проработки, а затем выброшен вон,

что должно было показать «благородное негодование» тех, кто употребил его в собственных целях.

Дьявольский замысел, заключающийся в привлечении учеников для сокрушения учителей, был не раз реализован в ходе гонений на историков разной специализации. Инициаторы гонений нашли в этом приеме одно из наиболее действенных средств деморализации как жертв, так и тех, кто сыграл по отношению к ним предательскую роль. К сожалению, я не могу припомнить случая, когда кто-либо из числа учеников «безродного космополита» или его коллег вступился бы за него. Деморализация, разобщенность и страх оказались вполне эффективными факторами для того, чтобы гонимые остались полностью беззащитными. Присутствуя на общем собрании истфака МГУ, где состоялись оргии разоблачений и поношений, мы могли со смущением и ужасом наблюдать нравственные муки жертв.

Так обстояло дело и на том заседании, стенограмму которого мы публикуем. Тем не менее, присутствовавшие оказались свидетелями не только предательства учеником своего профессора, но и возмущения, вызванного этим поступком. В стенограмме выступления А.И. Неусыхина в конце записано: «аплодисменты». Выслушав ответ Александра Иосифовича на инсинуации Сидоровой и Дорошенко, мы, всего только несколько молодых, аплодировали своему учителю. Впоследствии одна из его учениц упрекала нас: «Вы подвели Александра Иосифовича». Думается все же, что «подвели» его не мы. Упрекавшая нас молодая особа – из числа «премудрых пескарей», которые всегда готовы выдать собственную трусость за мудрость. Но те из моих друзей и сокурсников, кто хлопал нашему учителю, не руководствовались никакими расчетами и попросту не могли не поддержать Неусыхина в столь тяжкий и драматичный момент его жизни. Он должен был ощутить, что он не одинок.

Встревоженная Нина Александровна Сидорова немедленно дала политическую оценку нашего «злодеяния». Она прекрасно понимала, что наши аплодисменты будут расценены в «инстанциях» как опасный симптом «недоработки в воспитании молодежи». А потому чуть ли не на следующий день Сидорова созвала заседание кафедры, на которое вызвала виновных в недопустимом поведении и сурово нас отчитала. Когда очередь дошла до меня, я отделался ссылкой на безобразные высказывания профессора Белкина, который, обличая профессора Вайнштейна, не потрудился отличить Тридцатилетнюю войну от Столетней. Конечно, мой ответ обходил суть происшедшего: ведь наши аплодисменты выражали поддержку Неусыхину. Присутствовавший на этом заседании пожилой латинист заявил, обратившись ко мне: «А знаете ли Вы, молодой человек, что было бы с Вами, если куда следует сообщить о Вашем поступке?» Этого в точ-

ности я, разумеется, знать не мог, но у меня не вызывало ни малейших сомнений, что места научного сотрудника в Институте истории и вообще в Академии наук мне не видать как собственных ушей.

Непосредственно после собрания медиевистов состоялось заседание Ученого совета Института истории все с той же повесткой дня. Александру Иосифовичу, несомненно, под угрозой увольнения, пришлось «покаяться». К сожалению, я не помню содержания этого его выступления. Зато запомнилась недобрая шутка В.В. Альтмана, известного институтского остряка: «С легким паром, Александр Иосифович!..»

Насчет «легкого пара»: из ряда вузов «разоблаченные космополиты» были уволены. На кафедре истории Средних веков истфака МГУ была уволена профессор Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн, статья которой об Этьене Ля Боэсси не устроила кое-кого из критиков, а возможности общения профессора Неусыхина со студентами и аспирантами были резко сокращены. Кое-где безответственные нападки на преподавателей и научных сотрудников имели прямые трагические последствия. Так, возвратившись после проработки, преподаватель истории Ивановского пединститута Н. Разумовская покончила жизнь самоубийством.

В последние годы сталинского правления антисемитизм искусственно поощрялся, и во время идеологических проработок анкетные данные жертв гонений говорили сами за себя. Но, полагаю, сводить всю эту кампанию, охватившую, подчеркну еще раз, широкие слои творческой интеллигенции, к одному только юдофобству было бы неверно: установки, коими руководствовались начальники отделов кадров, были недвусмысленны, но выполняли эти установки конкретные лица, движимые разными побуждениями и интересами, в большой степени своекорыстными. В конце войны и после ее окончания вырос слой научных сотрудников и вузовских преподавателей, которые были заинтересованы в отстранении старой профессуры. Выдавливая «стариков», новые карьеристы, не отягощенные высокой нравственностью и элементарной порядочностью, нашли в разоблачении «безродных космополитов» и лиц, «преклонявшихся перед Западом», удобное средство для захвата профессорских кафедр и связанных с ними материальных преимуществ. В культуре и науке, по сути дела, совершался глубокий переворот.

Конкретный эпизод из жизни московских медиевистов, который мы здесь рассматриваем, представляется мне весьма показательным. Постепенно становилось все более ясным, что если дискуссии, проработки и критические нападки главным своим острием были направлены против ученых еврейской национальности, то вели они к переходу руководства и ключевых постов в исторической науке из рук

ведущих ученых под контроль партийных активистов. Конкретно: в течение короткого срока руководство кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ и заведование сектором истории Средних веков в Институте истории АН СССР, равно как и печатный орган медиевистов – сборник «Средние века» – фактически сделались вотчиной Нины Александровны Сидоровой. Е.В. Гутнова в своих мемуарах превозносит Сидорову как бескорыстного человека и гуманиста, более того, как личность, против собственной воли вынужденную проводить тягостную для нее политическую и научную линию. Приходится констатировать, что на протяжении последних нескольких лет активизировались и участвовали поползновения кое-кого из историков обоего пола украсить розами путь, пройденный нашей медиевистикой за последние пять-шесть десятилетий и, в частности, реабилитировать, обелить и даже превознести тех персонажей, на счету которых – разрушение научных школ и создание атмосферы нетерпимости в среде историков. Вот почему мы сочли необходимой публикацию стенограммы поистине исторического заседания 23 марта 1949 г.